

A photograph of a young child standing on a long, narrow staircase. The child is seen from behind, looking up towards a bright, glowing light source at the top of the stairs. The walls of the staircase are dark, and the light creates a strong silhouette effect on the child and the steps.

Юрий Краюшкин

Лестница в небеса

Юрий Краюшкин
Лестница в небеса

«Автор»

2026

Краюшкин Ю.

Лестница в небеса / Ю. Краюшкин — «Автор», 2026

Лестница в небеса Представь: ты просыпаешься. Тебе три года. Ты не помнишь вчера. Не помнишь маму. Не помнишь, как сюда попал. Ты просто знаешь: ты на втором этаже. А в конце коридора — лестница. Она ведёт только вверх. Вниз хода нет. Никогда. Говорят, этот дом бесконечный. Говорят, каждый этаж — это возраст. Говорят, наверху — дверь. Говорят, она открывается наружу. Говорят. Но никто не знает. Потому что оттуда никто не возвращался. А те, кто внизу, — уже не помнят. Забыли. Как забывают детство. Как забывают всё, что было до того, как ты сделал первый шаг. Лена не помнит вчера. Но она помнит, что нельзя забывать. И она идёт наверх. «Лестница в небеса» — это история о доме, который дышит. О девочке, которая не умеет плакать, но умеет задавать вопросы. О лестнице, у которой нет конца. Она для тех, кто помнит, как был маленьким. И для тех, кто боится забыть. Первый шаг уже сделан. Обратно не повернуть. Осталось узнать — куда.

© Краюшкин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Первый шаг	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Краюшкин

Лестница в небеса

Глава 1 Первый шаг

Лена проснулась от того, что кто-то тянул её за палец, она подумала: «О Господи, что это?» Мысли были туча, всё странно и непривычно.

Я открыла глаза и увидела над собой потолок — низкий, мягкий, обшитый чем-то тёплым и пушистым. Стены комнаты были выкрашены в цвет топлёного молока, такого особенного и необыкновенного. В углу висела карусель с облаками, и они медленно кружились, хотя ветра не было, что это такое. Что-то на подобии страшилок.

Рядом сидела женщина. Не мама. Я не помнила маму. Просто женщина в белом халате, с мягкими руками и улыбкой, которая ничего не значила, но это было по-новому и так необычно.

— Проснулась, — сказала она и потянула меня за палец ещё раз. — Пора.

— Я подумала, куда, зачем, почему?

Я села. Мне было три года. И я знала это не потому, что помнила свой день рождения — я вообще ничего не помнила дальше вчерашнего дня. Я знала это так же, как ты, например, знаешь, что у тебя две руки. Просто знала. Как знала и то, что находится на втором этаже, или не знаю, я еще не поняла.

Этаж-мир. Так называли его взрослые — те, кого я видела редко, мельком, в проёме дверей. Я правда не понимала, что это значит. Для меня существовала только эта комната, коридор с мягким полом, площадка с качелями и ещё одна девочка по имени Мира, с которой я совсем иногда играла в кубики.

— Куда пора? — спросила я.

Женщина не ответила. Она взяла меня за руку и повела к двери. Дверь была низкая, и мне было по плечо. За ней начинался коридор, который я почему-то знала наизусть: жёлтые лампы под потолком, ковровая дорожка с вытертыми краями, запах каши и мыла.

Но сегодня в конце коридора было что-то другое.

Лестница.

Не, ну я видела лестницы раньше — во сне и ещё на картинке в книжке, которую мне читала Мира. Но вживую — никогда. В моем мире лестниц не было. Был коридор, который заворачивал сам в себя, и сколько по нему ни иди, ты возвращался к своей двери.

А сейчас прямо передо мной уходили вверх ступени. Их не было видно до конца — они терялись в мягком белом свете где-то высоко-высоко.

— Нет, — сказала я, ты чего, мне и тут прекрасно живётся, и я упёрлась ногами в пол. — Я не хочу, вы чего, а вдруг я там буду работать еще, ну не спасибо, я не для этого тут появилась, я не знаю, но я в этом уверена.

— Все не хотят, — сказала женщина. Голос у неё был ровный, как пол. Ну, она, видимо, уже что-то узнала и не говорит. — Все идут, и ты пойдёшь.

— Я хочу к Мире, там спокойнее.

— Мира пойдёт за тобой. Позже. Или раньше. У каждого свой срок. Так всё, милая, иди вперёд.

— Да ладно, ну почему всё так сложно, почему мы не можем просто пойти вместе, вдвоём веселее, ну я многое не знаю, а вдвоём легче идти.

Я заплакала. Не потому, что мне было больно — мне не было больно, я вообще никогда не плачу. Просто внутри что-то сжалось, как кулачок, и не хотело разжиматься. Я абсолютно

не понимала, что теряю. Да о чем вы, я вообще не знала слова «терять». Но тело знало. Тело упиралось. Всё-таки придётся, наверное, работать там наверху

Женщина присела на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Послушай. Ты не умрёшь. Ты не заболеешь. С тобой ничего плохого не случится. Просто ты станешь старше — и перейдёшь туда, где живут те, кто старше. Там будет по-другому. Не хуже. Просто по-другому

— А если я захочу вернуться, вдруг мне там не понравится?

Женщина молчала долго. Слишком долго для такого простого вопроса. И всё-таки работа, наверное, не ну неееет, я не знаю, что это такое, но даже слово РАБОТА звучит странно

— Нельзя, — сказала она наконец. — Дверь за тобой закроется. Так устроен дом.

— Почему ты что-то не договариваешь?

— Потому что вниз никто не ходит. Только вверх.

Я посмотрела на лестницу. Ступени были деревянные, тёплые на вид, отполированные тысячами ног. На первой ступеньке кто-то нацарапал ногтем кривую звёздочку, а рядом были следы когтей. Ну, я не вдавалась в подробности, потому что идти, походу, придётся

— А ты? — спросила я. — Ты пойдёшь со мной? Что я всё-таки одна туда, да?

— Я не могу. Я живу здесь

— Тогда я останусь с тобой, будем вместе жить, не хочу что-то менять. А хочешь, я буду тебе помогать.

— Не останешься. — Женщина улыбнулась, и в этой улыбке впервые было что-то настоящее, живое, тёплое. — Когда-нибудь ты поймёшь, что это правильно. Что если бы никто не поднимался, дом бы рухнул. Каждый этаж держится на том, что кто-то ушёл выше.

Я не поняла ни слова. Но кулачок внутри меня разжался — чуть-чуть, на самую малость я как будто что-то поняла, но не сильно так отдалённо, что-то около

И я наконец сделала шаг.

Потом ещё один.

Первая ступенька оказалась тёплой. Вторая — чуть выше, чем ожидалось, и я чуть не споткнулась. Третья скрипнула так загадочно. А на четвертой я устала. Кто придумал эти лестницы, он, наверное, не дошёл

Я обернулась и осознала: «Блин, я не верю, что всё будет прекрасно, но ладно».

Коридор был внизу. Женщина стояла и смотрела на меня снизу вверх, и почему-то казалась меньше, чем раньше. Меньше и дальше, хотя я прошла всего три шага.

— Иди, — сказала женщина. — Не оглядывайся. Так легче. Ты сможешь

Но, согласись, звучит как вызов. Я не послушалась. И оглянулась ещё раз — на пятой ступеньке, на десятой. С каждым шагом коридор становился всё меньше, всё тусклее, пока не превратился в тонкую жёлтую полосу где-то далеко внизу.

А потом полоска исчезла.

И вот я стояла на площадке. Ступени за моей спиной никуда не делись — я их чувствовала, они были здесь, но спуска не было. Дверь вниз закрылась. Не хлопнула, не скрипнула — просто перестала существовать, как перестаёт существовать сон, когда просыпаешься.

Передо мной был новый коридор. Длиннее прежнего. Свет в нём был другой — не жёлтый, а чуть голубоватый, как зимнее утро в деревне. Пахло не кашей, а чем-то острым, незнакомым — краской, что ли, или пылью, я не знаю, откуда я это всё знаю

Из-за поворота вышла девочка. На вид — лет семь, с двумя хвостиками и ободранной коленкой, она была такая красивая и такая улыбчивая, всё-таки они тут не работают, обрадовалась я.

— Новенькая? — спросила она. — Со второго?

Ну я кивнула, мы еще даже не знакомы, что я буду отвечать еще.

— Я с третьего. Меня зовут Ася. — Девочка протянула руку. — Пойдём, покажу, где тут что. Только чур не реветь. Тут все сначала ревут, а потом привыкают. Лучше привыкни сразу, это не страшно

Я не ревела, но мыслей было туча. Я смотрела на свои руки — маленькие, короткие, с ямочками на пальцах, боже, какая я красивая. Такие же, как были. А не они стали еще прекраснее. Я всё ещё была трёхлетней. И всё ещё была собой

Просто теперь я была собой на третьем этаже.

— А сколько всего этажей? — спросила я.

Ася пожала плечами.

— Никто не знает. Говорят, очень много. Говорят, некоторые доходят до самого верха.

— А что там наверху?

— Не знаю. — Ася вдруг стала серьезной, и её лицо на секунду сделалось старше, чем семь лет. — Никто оттуда не возвращается. Но и оттуда, сверху, никто не кричит. Значит, нормально, да?

Я не ответила, но это было странно и очень, боже, куда я попала.

Я обернулась и посмотрела на пустое место за спиной. Там, где была лестница. Там, где осталась женщина в белом халате. Там, где остался второй этаж — комната с каруселью, качели, Мира, кубики.

Ничего не было. Только голубая стена.

Я не заплакала. Так, для справки

Просто запомнила: вниз хода нет. Только вверх.

И что поделать, я пошла за Асей по коридору, который вёл только в одну сторону.

Я шла за Асей и считала шаги

Не знаю, зачем. Наверное, чтобы не думать. Один, два, три, четыре. Ковёр под ногами был жёстче, на моем прошлом этаже — не пушистый, а плоский, как будто по нему ходили очень много ног, и все они стёрли его до основы. Пять, шесть, семь.

— Ты чего молчишь? — спросила Ася, не оборачиваясь.

— Считаю.

— Зачем?

— Чтобы не думать. И чтобы запомнить дорогу. Вдруг однажды пригодится.

— Не пригодится. Вниз не ходят.

— А я не вниз. Я на всякий случай. У меня бабушка говорила: «Запомни дорогу туда, куда идёшь, — обратно всегда труднее». Хотя бабушки у меня не было. Но кто-то же должен был это сказать? Вот я и говорю. Сама себе. Внутренний голос. Очень мудрый, между прочим.

Ася остановилась. Обернулась. У неё были веснушки — три на левой щеке, две на правой, и одна прямо на носу. Я подумала: «Вот это дизайн. Природа явно старалась».

— Ты странная, — сказала Ася. — Все сначала плачут. Ты не плачешь.

— Я не умею.

— Все умеют.

— Ну я не все. Я Лена. У меня свой набор умений. Плакать не входит. Зато я умею считать шаги. И задавать вопросы. И жаловаться. Вот это я умею отлично. Меня не остановишь.

Ася засмеялась. Первый раз за всё время. Смех у неё был звонкий, как у рупор на пляже. Я подумала: «О. Ещё один человек, который умеет смеяться. Значит, тут не всё так плохо».

Мы пошли дальше. Коридор кончился. Мы вышли в большое помещение — зал. Потолок высокий. По стенам окна, а за ними небо. Настоящее небо, серое, с облаками.

Я остановилась и уставилась.

Дома окна были, но за ними ничего не было. Просто белый свет. А тут — облака. Они двигались. Медленно, как карусель над моей кроватью, только по-настоящему.

— Первый раз видишь? — спросила Ася.

— Да.

— Все первый раз видят. Потом привыкаешь.

— А если не хочу привыкать?

— Привыкнешь. Все привыкают.

— Ну вот опять. «Все». Вы тут все как заведённые. «Все идут», «все привыкают», «все режут». А если я не все? Если я — это я?

Ася задумалась. Серьёзно так задумалась, нахмурилась.

— Тогда тебе будет тяжело, — сказала она наконец. — Но, может, интересно.

— Вот это мне нравится. «Тяжело, но интересно». Это мой девиз. С сегодняшнего дня.

В зале были дети. Много. Я никогда не видела столько детей сразу. Они сидели за низкими столами, что-то рисовали, складывали, спорили. Кто-то бегал. Кто-то сидел в углу и молчал — как я. Только я не молчала. Я комментировала. Про себя. Но комментировала.

— Здесь третий этаж, — сказала Ася. — Тут живут те, кому от трёх до семи. Я тут давно. Наверное, года два.

— А потом?

— Потом четвёртый. Там уже серьёзнее. Говорят, там учат буквам и цифрам. А на пятом — школа.

— Школа? — переспросила я. — Это где заставляют сидеть и слушать? И нельзя бегать?

— Ага.

— И нельзя шуметь?

— Ага.

— И нельзя задавать слишком много вопросов?

— Ага.

— Тогда я там не выживу.

— Ты там не выживешь, — согласилась Ася.

— Спасибо за поддержку. Очень вовремя.

— Но ты можешь попробовать.

— Вот это уже лучше. «Попробовать» — это по-нашему. Попробовать можно всё. Даже то, что нельзя. Особенно то, что нельзя.

Ася посмотрела на меня как на сумасшедшую. Но не отошла. Это хороший знак. Сумасшедших обычно избегают. А она осталась. Значит, ей тоже не всё равно. Значит, ей тоже интересно.

Она взяла меня за руку и повела к столу у окна. За столом сидела девочка с чёрными волосами и очень прямыми плечами. Перед ней лежал лист бумаги, и она рисовала дом. Дом был высокий, с множеством окон, и все окна были разными — большими, маленькими, круглыми, квадратными.

— Это Вера, — сказала Ася. — Она тоже новенькая. С третьего. Как ты.

Вера подняла голову. У неё были глаза цвета мокрого асфальта — я знала этот цвет, потому что видела асфальт из окна, когда мы шли по коридору.

— Привет, — сказала Вера. — Ты тоже не плакала?

— Нет.

— Я тоже. — Она подвинула мне лист. — Хочешь рисовать?

— Я не умею.

— Все умеют.

— Опять «все»! — воскликнула я. — Да что ж такое! Вы сговорились, что ли?

Вера посмотрела на Асю. Ася посмотрела на Веру. Потом обе посмотрели на меня.

— Ты странная, — сказала Вера.

— Я знаю. Мне уже говорили. Дважды. За сегодня.

— Это комплимент.

— Тогда ладно. Тогда я польщена.

Я взяла карандаш. Он был холодный и гладкий. Я не знала, что с ним делать. Дома я не рисовала. Дома я играла в кубики с Мирой. Кубики были мягкие, разноцветные, и из них можно было строить башни. Я всегда строила башни. Чем выше, тем лучше. А потом Мира их ломала, и мы строили снова.

Мира. Я вдруг поняла, что не помню её лица. Помню только, что у неё была смешная привычка — когда она думала, она надувала щёки. Но лицо... лицо стёрлось. Как будто кто-то провёл ладонью по стеклу.

— Ты чего? — спросила Вера.

— Ничего. Просто... я не помню.

— Что не помнишь?

— Всё. Я не помню вчера. Я помню только сегодня.

Вера и Ася переглянулись. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у меня внутри снова сжался кулачок.

— Так и должно быть, — сказала наконец Ася. Мягко, как взрослая. — Когда поднимаешься, нижние этажи... они как бы затухают. Ты их не помнишь. Никто не помнит. Ты знаешь, что они были, но не помнишь, что там.

— Совсем?

— Совсем.

— А если я буду стараться? Если я буду запоминать каждый день? Если я буду рисовать? Вот как сейчас. Если я нарисую всё, что помню, — оно останется?

Ася долго молчала. За окном проплыло облако, похожее на рыбу. Потом ещё одно, похожее на собаку. Потом третье, похожее на что-то непонятное. Я подумала: «Вот бы мне так плыть. Просто плыть и ни о чём не думать. И не помнить. И не бояться. И не терять».

— Не знаю, — сказала Ася. — Никто не пробовал. Все просто... привыкают. И забывают. И живут дальше.

— А я попробую, — сказала я. — Я не буду привыкать. Я буду помнить. Назло всем. Назло этому дому.

Вера посмотрела на меня. Долго. Потом сказала:

— У тебя получится.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты странная. А странные — они упёртые. Они не сдаются. Они идут до конца. Даже если конца нет. Даже если все говорят, что нельзя. Они всё равно идут. И иногда — доходят.

— Доходят до чего?

— Не знаю. Но доходят.

Я посмотрела на свой лист. Белый, пустой. Я хотела нарисовать Миру, но не помнила её лица. Хотела нарисовать свою комнату, но помнила только потолок. Хотела нарисовать женщину в белом халате, но помнила только её руки и халат.

Тогда я нарисовала лестницу.

Она получилась кривая, ступеньки разъезжались. Но это была лестница. Она уходила вверх, за край листа, и я провела линию до самого угла, чтобы было видно — она не кончается. И подписала внизу: «Осторожно, тут скользко». Хотя не скользко было. Но пусть будет. Пусть будет хоть какая-то надпись. Пусть будет предупреждение. Пусть будет хоть что-то, что я оставлю после себя.

— Что это? — спросила Вера.

— Лестница.

— Зачем?

— Чтоб не забыть. И чтоб другие не забыли. И вообще, чтоб было. Пусть будет.

Я взяла карандаш и подрисовала человечка. Маленького, на самой нижней ступеньке. Он стоял и смотрел вверх. И я подрисовала ему улыбку. Кривую. Но улыбку.

Пусть не помню чью. Пусть просто будет.

— А почему он улыбается? — спросила Ася. — Ему же страшно. Он же не знает, что наверху.

— Потому что он уже сделал первый шаг, — сказала я. — А первый шаг — он самый страшный. Потом уже не так страшно. Потом просто идёшь. И улыбаешься. Потому что идти — это лучше, чем стоять. Даже если не знаешь куда. Даже если боишься. Всё равно лучше.

Вера и Ася молчали. Долго. Я думала, они сейчас скажут что-то умное. Что-то важное. Что-то такое, что я запомню на всю жизнь. Но они не сказали. Они просто смотрели на мой рисунок. И в их глазах было что-то такое... Я не знала, как это назвать. Может, надежда. Может, страх. Может, что-то среднее.

— А что наверху? — спросила я. — На самом верху.

Ася и Вера молчали. Ещё дольше. За окном проплыло ещё одно облако. Похожее на дом. На очень высокий дом.

— Никто не знает, — сказала Вера. — Но говорят, там дверь.

— Какая дверь?

— Обычная. Как у нас. Только она открывается наружу.

Я не поняла. Двери открываются внутрь, в комнату. Так было у меня дома. Так было здесь. Как можно открыть дверь наружу?

— Наружу — это куда? — спросила я.

Вера пожала плечами.

— Никто не знает. Но некоторые хотят дойти и посмотреть.

— А ты?

Она посмотрела на меня. Её глаза были как асфальт после дождя — серые, блестящие, и в них отражалось окно.

— Я хочу, — сказала она. — Но я боюсь.

— Чего?

— Того, что там ничего нет. Или того, что там что-то есть. Не знаю, что страшнее.

Я не поняла её. Мне было три года. Я не знала слов «страшнее» и «ничего нет». Я знала только, что внизу хода нет, а наверху — лестница. И что я буду идти. Потому что нельзя не идти. Потому что дом требует.

Но я запомнила её слова. Я запомнила всё. Потому что я — Лена. И я не забываю. Даже если весь мир захочет, чтобы я забыла.

— Пойдём, — сказала Ася. — Покажу, где мы спим. Ты, наверное, устала.

— Я не устала, — сказала я. — Я никогда не устаю. Я просто иногда хочу лежать. Это другое.

— Хорошо. Пойдём, где ты можешь «не устать».

— Вот это по-нашему.

Я встала. Оглянулась на свой рисунок. Лестница уходила за край листа. Человечек стоял внизу. С улыбкой.

Я не знала, что будет дальше. Я не знала, сколько этажей. Я не знала, что наверху. Но я знала одно: я поднимусь. Потому что потому.

И если честно — я уже начинала думать, что это, может, и к лучшему. Может, внизу всё равно было скучно. Может, там не было никаких приключений. Может, там были только кубики и каша.

А тут — лестница. Тут — Ася. Тут — Вера. Тут — облака в окне. Тут — рисунки. Тут — «тяжело, но интересно».

Я пошла за Асей. И на ходу сказала:

— Ася.

— М?

— А тут есть шутки? Ну, анекдоты? Кто-нибудь шутит?

— Не знаю. Не слышала.

— Значит, я буду первая. Я буду главный комик третьего этажа. Запомни это. Когда-нибудь обо мне напишут книгу.

Ася засмеялась. Опять. Второй раз.

— Может, и напишут.

— Обязательно напишут. И там будет первая глава: «Первый шаг». И там будет всё. И каша. И мыло. И лестница. И ты.

— И ты.

— И я.

Мы дошли до кроватей. Я легла. Потолок был высокий, с трещинками. Я посмотрела на трещинки и сказала:

— Ну что, трещинки. Добро пожаловать в мою жизнь. Теперь мы соседи. Главное, чтобы потолок не рухнул

Трещинки не ответили. Но мне показалось, что они улыбнулись. Странно, но ладно

Я закрыла глаза. И уснула. И мне снилась лестница. И человечек. И улыбка. Кривая, но моя.

А ещё мне снилось, что где-то внизу, на втором этаже, женщина в белом халате стоит и смотрит вверх. И улыбается. И ждёт. Не меня. Просто ждёт. Потому что она знает: кто-то обязательно поднимется. Кто-то обязательно дойдёт. И, может быть, это буду я.

Или не я. Но кто-то. Обязательно кто-то.

Утро началось не с каши. Утро началось с того, что я открыла глаза и поняла: я не помню, как выглядела карусель. Я помнила, что она была. Помнила, что кружилась. Помнила облака. Но не помнила, какого они были цвета. Не помнила, сколько их было. Не помнила, что висело в углу — звёздочки, птички, что-то ещё. Я лежала и смотрела в потолок. Потолок был чужой. Высокий, с трещинками. Не мой. И тут я поняла: вчера я помнила больше. Вчера я помнила руки женщины. Помнила её улыбку. Помнила запах каши и мыла. Помнила, как Мира надувала щёки. Вчера это было. Сегодня — нет. Сегодня остались только слова. «Пора». «Нельзя». «Так устроен дом». Слова — как ступеньки. Твёрдые. На них можно стоять. Я села. Ася ещё спала. Вера спала через две кровати. В зале было тихо. За окном — серое утро. Облака плыли, как вчера. Как будто ничего не случилось. Как будто я не потеряла ещё один кусочек себя. Я взяла карандаш и лист. Те, что оставила вчера на столе. На листе была лестница. И человечек. И улыбка. Я посмотрела на человечка и не узнала его. Вчера я знала, кто это. Вчера это был кто-то. Может, я. Может, Мира. Может, женщина. Сегодня — просто человечек. Просто палочки и кружок. Просто улыбка. Я подрисовала ему волосы. Короткие, как у меня. Потом подрисовала бантик. Потом стёрла бантик. Потом подрисовала снова. Потом отложила карандаш. — Ты чего не спишь? — спросила Ася. Голос у неё был сонный, мягкий. Как будто она не просыпалась, а продолжала спать. — Не могу. — Первую ночь все не могут. — Вторую, — сказала я. — Что? — Вторую ночь. Первая была вчера. Сегодня вторая. Ася села. Посмотрела на меня. Долго. Потом сказала: — Ты помнишь, что вчера была первая? — Да. — А сколько тебе лет? — Три. — А вчера сколько было? Я задумалась. Вчера я знала. Вчера я точно знала, что мне три. Сегодня — тоже три. Но что-то изменилось. Что-то внутри. Как будто мне стало... не больше. Как будто мне стало глубже. — Три, — сказала я. — Но как будто не три. — Это нормально, — сказала Ася. — Так всегда. Ты не взрослеешь телом. Ты просто... становишься собой. Настоящей. Каждый этаж — это не возраст тела. Это возраст души. — А душа взрослеет? — Душа — да. Душа растёт. Тело — нет. Тело остаётся таким, каким пришло. Я посмотрела на свои руки.

Маленькие, короткие, с ямочками. Такие же, как вчера. Такие же, как будут завтра. Такие же, как будут всегда.— Значит, я всегда буду выглядеть как трёхлетняя?— Да.— И на десятом этаже?— Да.— И на двадцатом?— Да.— И на самом верху? Ася молчала. Долго. За окном проплыло облако. Похожее на старика с бородой. Или на девочку с косичками. Я не поняла.— На самом верху, — сказала Ася, — никто не видел. Может, там тело меняется. Может, там всё по-другому. Может, там... — она замолчала.— Что?— Может, там ты становишься тем, кем был всегда. Я не поняла. Но запомнила. Я всё запоминала. Даже то, чего не понимала.— Пойдём, — сказала Ася. — Сегодня у тебя первый день. Пойдёшь со мной. Покажу, где столовая, где игровая, где можно гулять. А завтра...— Что завтра?— Завтра начнёшь учиться.— Чему?— Тому, чему учат на третьем. — Она помолчала. — А потом пойдёшь выше. Я кивнула. Я уже поняла: «выше» — это не вопрос. Это расписание. Мы пошли в столовую. Там пахло травяным чаем и чем-то тёплым. Дети сидели за столами и ели. Никто не кричал. Никто не дрался. Было тихо, как в библиотеке, где я никогда не была, но почему-то знала, как там тихо. Я села за стол. Передо мной поставили тарелку. В тарелке была каша. Не такая, как дома. Другая. Я попробовала ложку и поняла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.